

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

И.Я. Чаленко

**Ближайшие задачи
христианской апологетики при
исследовании вопроса об
историческом происхождении
христианства и христианской морали**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 7-8. С. 944-954.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Ближайшія задачи христіанской апологетики при изслѣдованіи вопроса объ историческомъ происхо- жденіи христіанства и христіанской морали.

ПРЕДМЕТОМЪ моего изслѣдованія является вопросъ объ отношеніи христіанскаго ученія о нравственности къ этикѣ греко-римскихъ философовъ-моралистовъ. Этотъ вопросъ рѣшается мною въ томъ смыслѣ, что христіанская мораль, со стороны своего историческаго происхожденія, по существу, въ цѣломъ безусловно независи-
сима отъ этики античныхъ философовъ.

По своей основной задачѣ мое сочиненіе, т. о., носитъ опредѣленно выраженный апологетическій характеръ.

Въ какой степени мнѣ удалось или не удалось развить и обосновать основной тезисъ моего сочиненія, объ этомъ, конечно, судить не мнѣ. Въ настоящій моментъ я хочу лишь точнѣе формулировать нѣкоторыя частныя задачи и мотивы, какими я руководствовался при выборѣ данной темы для своего сочиненія и соответствующаго метода для ея разработки.

Тему своего изслѣдованія я сузилъ сравнительно тѣсными рамками, ограничившись рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи христіанскаго ученія о нравственности, именно, къ греко-римской культурѣ, точнѣе, къ античной философіи, оставляя въ сторонѣ столь важные въ научномъ отношеніи вопросы, какъ, напр., вопросы объ отношеніи христіанской морали къ іудейству, буддизму и т. п. Я нисколько не скрываю отъ себя всѣхъ недостатковъ, неизбѣжныхъ при такомъ сравнительно одностороннемъ освѣщеніи даннаго вопроса, но по-

лагаю, что и въ принятой мною постановкѣ изслѣдуемый вопросъ сохраняетъ свое научное значеніе. И дѣйствительно, при выясненіи той связи, въ какой христіанская мораль стоитъ съ предшествующими ей нравственными ученіями и настроеніями, прежде всего должно обратить вниманіе на тотъ несомнѣнный историческій фактъ, что распространеніе христіанства, въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанской эры, территоріально, въ общемъ совпадаетъ съ сферою вліянія, именно, античной культуры, а хронологически съ постепеннымъ разложеніемъ этой послѣдней. Правда, самое то возникновеніе христіанства территоріально непосредственно связано съ Іудеей, а не съ греко-римскимъ міромъ; но несомнѣнно также и то, что въ своемъ дальнѣйшемъ распространеніи и развитіи христіанство вскорѣ перенесло свой центръ, именно, въ греко-римскій міръ, и достигнутые здѣсь христіанствомъ успѣхи, конечно, безмѣрно превосходятъ аналогичные же его успѣхи въ Іудеѣ. Но при такомъ положеніи вещей, естественно, возникаетъ вопросъ: въ какой степени и въ какой формѣ христіанство и христіанская мораль испытали на себѣ вліяніе греко-римской культуры, въ частности античной философіи? и не было ли это вліяніе столь всестороннимъ и глубокимъ, что, благодаря ему, первоначальное христіанство и христіанская мораль подверглись радикальной метаморфозѣ и измѣнились въ самомъ своемъ существѣ настолько, что должны быть разсматриваемы, главнымъ образомъ, какъ естественно-историческій продуктъ, именно, греко-римской культуры и греко-римской образованности, ихъ видоизмѣненной формой, по существу сохранившей основы прежняго культурно-историческаго содержанія? Но если такъ, то, независимо отъ того, положительный или отрицательный отвѣтъ долженъ послѣдовать на всѣ эти вопросы,—остается несомнѣннымъ одно: для такого или иного рѣшенія вопроса объ историческомъ происхожденіи христіанства, въ частности христіанскаго ученія о нравственности, является существенно важнымъ и необходимымъ выяснить взаимоотношеніе важнѣйшихъ истинъ христіанской религіи и морали, съ одной стороны, и основъ греко-римской религіи, культуры и образованности, съ другой. Конечно, греко-римская религія, культура и греко-римская образованность ко времени возникновенія и первоначальнаго распространенія христіанства представляютъ изъ себя историче-

ское явленіе въ высшей степени сложное, со стороны своего происхожденія и содержанія, заключаая въ себѣ значительную примѣсь элементовъ самаго разнообразнаго, въ особенности, восточнаго происхожденія. Эта особенность греко-римской религіи и культуры подчеркивается многими новѣйшими учеными настолько, что историческихъ корней христіанства и христіанской морали весьма часто ищутъ не столько въ греко-римскомъ мірѣ, сколько, именно, на востокѣ—въ Вавилонѣ, въ Египтѣ, въ Персіи, въ Индіи. Я не имѣю въ виду здѣсь касаться вопроса о томъ, въ какой степени основательны или нѣтъ подобнаго рода попытки объяснить историческое происхожденіе христіанства и христіанской морали. Для моей цѣли въ данномъ случаѣ важно отмѣтить лишь то обстоятельство, что всѣ эти попытки поставить историческое происхожденіе христіанства и христіанской морали въ такую или иную связь съ религіей и культурой восточныхъ народовъ, если даже признать за ними значительную долю законности и научной основательности, сами по себѣ не могутъ быть признаны исчерпывающими интересующій насъ вопросъ настолько всесторонне, чтобы ими устранялась необходимость выясненія вопроса объ отношеніи христіанства и христіанской морали, именно, къ греко-римской религіи и культурѣ. Вѣдь, если даже предположить, что христіанство въ эпоху своего первоначальнаго развитія и распространенія испытало въ той или иной степени вліяніе религіи и культуры восточныхъ народовъ, то это вліяніе, во всякомъ случаѣ, не было непосредственнымъ, а такъ сказать предварительно преломилось сквозь призму специфически греко-римской культуры и образованности, такъ какъ, именно, эта послѣдняя имѣла значеніе того основнаго культурно-историческаго фермента, который наложилъ свою специфическую печать и окраску на всю внѣшнюю и внутреннюю жизнь греко-римскаго міра въ рассматриваемую нами эпоху и, въ общемъ, ассимилировалъ себѣ культурные элементы другихъ народовъ, въ томъ числѣ и восточныхъ. Отсюда понятно, почему въ богословской наукѣ, преимущественно западно-европейской, вопросъ объ отношеніи христіанства и христіанской морали къ греко-римской культурѣ и образованности всегда, на протяженіи почти цѣлыхъ двухъ тысячъ лѣтъ, привлекалъ къ себѣ особенное вниманіе ученыхъ и мыслителей, въ той или иной степени интересовавшихся вопросомъ о

происхожденіи христіанства и христіанской морали, какъ это я и пытался показать въ первой части моего изслѣдованія. Этого вопроса въ громадномъ большинствѣ случаевъ не могутъ совершенно обойти даже тѣ изъ ученыхъ, которые историческихъ корней христіанства и христіанской морали ищутъ на востокѣ, какъ только имъ приходится подойти къ рѣшенію вопроса о ближайшихъ, непосредственныхъ культурно-историческихъ связяхъ христіанства съ современными ему народами и ихъ религіей и культурой.

Изслѣдуя въ своемъ сочиненіи вопросъ о генетическомъ отношеніи христіанской морали къ греко-римской культурѣ я эту послѣднюю разсматривалъ не во всемъ ея объемѣ, а останавливаю свое вниманіе лишь на одной ея сторонѣ—на греко-римской философіи, въ лицѣ наиболѣе видныхъ ея представителей, полагая, что для выясненія вопроса о генетической зависимости или независимости христіанской морали отъ греко-римской культуры знакомство съ основными положеніями греко-римской моральной философіи является особенно важнымъ, поскольку именно въ греко-римской философіи, по моему мнѣнію, дано ясное, точное и полное выраженіе наиболѣе характерныхъ, такъ сказать, типичныхъ чертъ духовной культуры античнаго міра, при томъ—на высшей ступени ея развитія, дана, такъ сказать, квинтъ-эссенція ея идейнаго содержанія, тотъ кульминаціонный пунктъ, до какого она возвысилась...

Противъ такого взгляда на значеніе въ данномъ случаѣ греко-римской философіи возможно, конечно, возразить, что на греческихъ и римскихъ философовъ, этихъ образованнѣйшихъ людей своего времени, мы вправѣ смотрѣть лишь какъ на представителей интеллигенціи греко-римскаго міра; интеллигенція же, какъ извѣстно, далеко, вѣдь, не всегда является точной и полной выразительницей самыхъ основъ міросозерцанія и настроенія даннаго народа въ его цѣлостности. А если принять во вниманіе, что христіанство, при своемъ первоначальномъ распространеніи въ греко-римскомъ мірѣ, находило себѣ приверженцевъ, главнымъ образомъ, среди простаго народа, а не среди интеллигенціи, то, шовидимому, оказывается, что, для выясненія вопроса о генетической зависимости или независимости христіанства и христіанской морали отъ греко-римской культуры, слѣдуетъ обратиться не къ греко-римской философіи, а къ такимъ:

сторонамъ и явленіямъ античнаго міра, гдѣ отразились религіозно-нравственныя воззрѣнія, главнымъ образомъ, народной массы, а не интеллигенціи.

Однако это возраженіе, въ приложеніи къ представителямъ греко-римской философіи, въ значительной степени теряетъ свою силу, поскольку у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній смотрѣть на греческихъ и римскихъ философовъ, какъ на людей, по существу порвавшихъ въ своемъ міросозерцаніи и настроеніи духовныя связи съ народною массою. Напротивъ, органическое единство основныхъ метафизическихъ и религіозно-нравственныхъ тенденцій у всѣхъ наиболѣе видныхъ представителей греко-римской философіи, несмотря на все разнообразіе философскихъ школъ, далѣе, строгая логическая и психологическая послѣдовательность въ естественномъ развитіи этихъ тенденцій—особенность, какую я старался подчеркнуть во второй части моего изслѣдованія,—оба эти обстоятельства, по моему мнѣнію, съ достаточной убѣдительностію говорятъ о томъ, что въ греко-римской философіи нашли свое выраженіе не частныя, поверхностныя и случайныя черты міросозерцанія и духовнаго уклада одной какой-нибудь соціальной группы античнаго міра, а черты, типичныя, вообще, для греко-римскаго общества, черты, имѣющія свои корни въ самой глубинѣ національной психики грека и римлянина и потому устойчивыя, способныя, конечно, такъ или иначе варіироваться, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей той или иной сословной группы, того или иного лица, и соотвѣтственно этому принимать ту или иную индивидуальную психологическую форму, но неизмѣнныя со стороны своей основной психологической природы. Но, если мы даже признаемъ извѣстную долю истины въ томъ положеніи, что греко-римскіе философы въ основныхъ чертахъ своего міросозерцанія и духовнаго уклада въ той или иной степени удалились отъ національнаго греко-римскаго психологическаго типа, то этимъ, вѣдь, еще не исключается возможность того предположенія, что въ лицѣ античныхъ философовъ мы имѣемъ дѣло, по крайней мѣрѣ, съ зародышемъ той новой фазы въ исторіи духовно-культурнаго развитія греко-римскаго міра, сущность которой, можетъ быть, въ томъ, именно, и состояла, что основныя черты религіозно-нравственнаго міросозерцанія и духовнаго уклада сравнительно небольшой группы лицъ—античныхъ философовъ—

постепенно стали достояніемъ и широкихъ народныхъ массъ, подвергшись, въ той или иной степени, процессу популяризаціи и демократизаціи. То обстоятельство, что греко-римская философія въ заключительный періодъ своего развитія, именно, къ началу христіанской эры, дѣйствительно въ значительной своей части начала усваивать популярный характеръ,—является, повидимому, и фактическимъ подтвержденіемъ упомянутаго нами выше предположенія. Но если такъ, то, при рѣшеніи вопроса о генетической зависимости или независимости христіанства и христіанской морали отъ греко-римской религіи и культуры, уже никакъ нельзя не считаться съ тѣмъ предположеніемъ, что, можетъ быть, именно христіанство и является тѣмъ новымъ фазисомъ въ развитіи античной культуры, зародышъ котораго данъ въ античной философіи. Насколько справедливо такое предположеніе, это—другой вопросъ, и что касается лично моего мнѣнія, то все мое изслѣдованіе посвящено опроверженію этого положенія. Но въ данномъ случаѣ важно то, что возможность и законность такого предположенія, а ргіогі никакъ не могутъ быть исключены, а тотъ фактъ, что весьма многіе ученые и раньше и въ настоящее время пытаются доказать генетическую зависимость христіанства и христіанской морали, именно, отъ греко-римской философіи, уже прямо обязываетъ всякаго, интересующагося вопросомъ о происхожденіи христіанства и христіанской морали, такъ или иначе считаться съ этою научною проблемою, даже независимо отъ степени ея научной основательности.

При выясненіи историческаго происхожденія христіанства и христіанской морали, вопросу объ отношеніи христіанства, именно, къ античной культурѣ, въ частности къ греко-римской философіи мы должны придавать особенное значеніе также въ виду того обстоятельства, что и Новый Заветъ и творенія отцовъ и учителей Церкви, т. е. самые источники христіанскаго вѣроученія и нравоученія, написаны, вѣдь, на греческомъ и римскомъ языкѣ, притомъ въ большинствѣ случаевъ лицами, въ той или иной степени причастными греко-римской образованности и философіи. Конечно, на основаніи этого одного факта дѣлать тотъ апріорный выводъ, что христіанское вѣроученіе и нравоученіе въ той или иной степени является простымъ продуктомъ греко-римской образованности, было бы слишкомъ поспѣшнымъ; но, съ дру-

гой стороны, у насъ нѣтъ никакихъ научныхъ основаній а priori категорически и отрицать научную основательность такого предположенія, въ особенности, если принять во вниманіе ту несомнѣнную психологическую истину, что, вмѣстѣ съ языкомъ извѣстнаго народа, мы въ большинствѣ случаевъ безсознательно въ той или иной степени усваемъ и кругъ его понятій и даже самый укладъ его мышленія, и что, во всякомъ случаѣ, сохранить при такихъ условіяхъ свою духовную самостоятельность и индивидуальность—вещь, въ высшей степени трудная, требующая отъ даннаго лица большаго занаса душевной стойкости и упругости. Отсюда невольно является такого рода вопросъ: удалось ли и въ какой, именно, степени новозавѣтнымъ писателямъ, а также отцамъ и учителямъ Церкви вложить въ заимствованные ими изъ греко-римской литературы религіозно-нравственные и философскіе термины новое, чисто христіанское психологическое и идейное содержаніе или же, вмѣстѣ съ античными религіозно-нравственными и философскими терминами, они сознательно или безсознательно, привнесли въ христіанство и соотвѣтствующія имъ античныя же понятія и настроенія? Этотъ вопросъ далеко выходитъ за предѣлы одной филологіи, являясь въ значительной степени также вопросомъ изъ области духовно-культурной исторіи античнаго міра, а также его національной психики, и онъ можетъ быть рѣшенъ только апостериорнымъ путемъ, путемъ сравнительнаго не только филологическаго, но, главнымъ образомъ, психологическаго анализа основныхъ религіозно-нравственныхъ понятій, составляющихъ, съ одной стороны, достояніе греко-римской образованности и философіи, а съ другой стороны, привнесенныхъ въ міръ христіанствомъ.

При выясненіи вопроса о генетической зависимости или независимости христіанскаго ученія о нравственности отъ этики греко-римскихъ философовъ, въ своемъ сочиненіи я придерживался историко-генетическаго метода изслѣдованія, полагая, что, именно, исторія развитія греко-римской философской морали лучше всего способна дать соотвѣтствующій отвѣтъ на поставленный мною вопросъ, показавъ, въ какомъ, именно, направленіи шло развитіе античной философской морали: въ направленіи ли сближенія съ христіанской моралью, настолько, что послѣдняя представляетъ изъ себя лишь дальнѣйшую логическую и психологическую стадію

развитія античной морали, или же въ направленіи, какъ разъ обратномъ, такъ что о генетической зависимости, по существу, христіанскаго ученія о нравственности отъ этики античныхъ философовъ и рѣчи быть не можетъ. При этомъ, главное вниманіе въ моемъ изслѣдованіи я старался сосредоточить не столько на историческомъ развитіи нравственнаго ученія античныхъ философовъ, сколько на исторической эволюціи морально-психологическаго типа античнаго философа, со времени софистовъ и приблизительно до 2 в. по Рождествѣ Христовомъ.

Въ заключеніи къ I части своего сочиненія я пытался обосновать тѣ мотивы, въ силу которыхъ я слѣдовалъ, именно, этому, а не иному методу изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ я въ общихъ чертахъ остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ частностяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ тою задачею, какою я преслѣдовалъ въ своемъ сочиненіи, и съ избраннымъ мною методомъ изслѣдованія.

Въ моемъ сочиненіи въ количественномъ отношеніи преобладающее вниманіе удѣлено изслѣдованію нравственныхъ воззрѣній, именно, античныхъ философовъ. Эта особенность моего сочиненія въ извѣстной степени обусловливается, такъ сказать, самою природою сопоставляемыхъ мною историческихъ величинъ: съ одной стороны, простотою и ясностію, въ основныхъ чертахъ, христіанскаго нравоученія и отчасти незначительнымъ объемомъ его основнаго первоисточника—книгъ Новаго Завѣта, съ другой стороны, многочисленностію источниковъ, съ какими мнѣ пришлось имѣть дѣло при воспроизведеніи нравственныхъ воззрѣній античныхъ философовъ, а также нерѣдко неясностію и спутанностію, а иногда и противорѣчивостію ихъ содержанія. Преимущественное, въ количественномъ отношеніи, вниманіе въ моемъ сочиненіи мнѣ пришлось сосредоточить именно на этикѣ античныхъ философовъ, также въ силу избраннаго мною историко-генетическаго метода изслѣдованія. Этотъ методъ обязывалъ меня вопроса о христіанскомъ нравоученіи касаться лишь постольку, поскольку это было необходимо для опредѣленія того направленія, въ какомъ, по отношенію къ нему, шло историческое развитіе античной философской морали, т. е. въ направленіи ли сближенія съ христіанскою моралью или же удаленія отъ нея. Такимъ образомъ, хотя основнымъ, центральнымъ понятіемъ моего изслѣдованія, опредѣляю-

щимъ и его конечную цѣль и идейное содержаніе, является христіанское ученіе о нравственности и морально-психологическій типъ христіанина, но, по методологическимъ соображеніямъ, мнѣ пришлось количественно главное вниманіе, какъ я сказалъ, сосредоточить на изложеніи и анализѣ нравственныхъ воззрѣній именно античныхъ философовъ.

Развивая въ своемъ сочиненіи ту основную мысль, что христіанское ученіе о нравственности и морально-психологическій типъ христіанина генетически, т. е. со стороны своего происхожденія въ цѣломъ, по существу, независимы отъ античной философской этики и морально-психологическаго типа античнаго философа,—я, естественно, мало имѣлъ поводовъ говорить о томъ положительномъ историческомъ значеніи, какое въ исторіи христіанской морали имѣла античная философская этика, поскольку въ этой послѣдней, съ моей точки зрѣнія, не дано положительныхъ культурно-историческихъ корней для христіанской морали, почему мнѣ и приходилось подчеркивать, главнымъ образомъ, принципиальную несоизмѣримость этихъ двухъ историческихъ величинъ, сравнительно мало обращая вниманія на тѣ частныя и второстепенныя стороны, по которымъ онѣ, такъ или иначе, исторически между собою сближаются. Этимъ я вовсе не имѣлъ въ виду отрицать за античной философской этикой какое бы то ни было значеніе въ исторіи христіанской морали; но мнѣ просто казалось, что, съ моей точки зрѣнія, распространяться объ этомъ было бы болѣе умѣстнымъ не при изслѣдованіи вопроса о происхожденіи христіанскаго ученія о нравственности, а лишь при изложеніи исторіи развитія этого послѣдняго, такъ какъ извѣстныя прямыя услуги античная философія оказала христіанству, главнымъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, а никакъ не въ смыслѣ созданія того историко-психологическаго корня, изъ котораго христіанство выросло. Впрочемъ, въ своемъ изслѣдованіи я неоднократно и вполне опредѣленно отмѣчаю также то косвенное значеніе, какое въ исторіи христіанской морали имѣла античная философская этика, развивая въ греко-римскомъ мірѣ смутныя, но тѣмъ не менѣе весьма напряженныя стремленія къ новымъ нравственнымъ устоямъ и идеаламъ, родственнымъ съ идеалами, возвѣщенными впоследствии христіанствомъ, хотя положительнаго удовлетворенія этихъ стремленій въ античной философіи греко-римскій міръ найти не могъ.

Излагая исторію античной философской этики подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія, именно, со стороны ея отношенія къ христіанской морали, я ставилъ своей задачей уловить основную и наиболѣе характерную черту въ нравственныхъ воззрѣніяхъ античныхъ философовъ, проходящую красною нитью черезъ всю исторію развитія античной философской этики старался понять и представить эту послѣднюю, какъ органически цѣлостную культурно-историческую величину, несмотря на все разнообразіе отдѣльныхъ философскихъ школъ, какое замѣчается на протяженіи исторіи античной философіи. Односторонній интелектуализмъ и вытекающій отсюда натурализмъ, какъ это я доказываю во 2-й части своего изслѣдованія, и является таковою, именно, основною чертою, дающею намъ право вести рѣчь, вообще, о морально-психологическомъ типѣ античнаго философа-моралиста, а не просто о воззрѣніяхъ и нравственно-психологическомъ укладѣ того или иного античнаго философа въ частности. Другими словами, я освѣщаю вопросъ объ отношеніи христіанской морали къ античной философіи подъ угломъ зрѣнія болѣе или менѣе широкой исторической перспективы. Отчасти, въ силу этихъ же соображеній я въ своемъ изслѣдованіи сознательно избѣгалъ прямой полемики съ отдѣльными учеными, придерживающимися на интересующій меня вопросъ, по существу, иныхъ взглядовъ: мнѣ казалось болѣе цѣлесообразнымъ имѣть въ виду не столько тѣ или инныя частныя возраженія, какія когда-либо высказывались или могли бы быть высказаны по поводу защищаемаго мною основного тезиса, сколько положительное его обоснованіе, не игнорируя въ то же время тѣхъ общихъ выводовъ, къ какимъ въ цѣломъ приходитъ та группа ученыхъ, которая смотритъ на христіанство, какъ на естественно-историческій продуктъ предшествовавшаго историческаго хода духовнаго развитія человѣчества. Но иногда я считалъ себя вынужденнымъ и отступать отъ этого своего общаго правила: если мнѣ казалось, что тотъ или иной частный вопросъ изъ исторіи античной философской этики, имѣющей для меня, по ходу дѣла, важное значеніе, недостаточно ясно и безспорно освѣщенъ въ существующей литературѣ, въ такихъ случаяхъ я позволялъ себѣ вдаваться и въ болѣе или менѣе детальный анализъ этого вопроса. Я сознаю, что такое объединеніе синтетическаго и аналитическаго методовъ изслѣдованія, несо-

мнѣнно, должно было значительно повредить сжатости и стройности въ изложеніи основныхъ положеній моей диссертаци; но мнѣ хотѣлось, по возможности, избѣжать упрека въ голословности и необоснованности моихъ выводовъ. Изъ двухъ золь я старался избѣжать того, какое казалось мнѣ бѣльшимъ...

Надѣ своимъ изслѣдованіемъ мнѣ все время пришлось работать въ провинціальномъ, не университетскомъ городѣ и, слѣдовательно, при довольно таки неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ... Тѣмъ болѣе дорогой и цѣнной для меня является та нравственная поддержка, какую я неизмѣнно, въ теченіе многихъ лѣтъ моей работы, встрѣчалъ въ лицѣ глубокоуважаемаго профессора А. А. Бронзова, его всегда неизмѣнно-благожелательное и терпѣливое отношеніе къ моему труду, всегдашняя готовность въ нужную минуту ободрить, придти на помощь... Не могу не выразить ему своей искренней и глубокой признательности и за тѣ его критически руководственныя указанія и совѣты, благодаря которымъ мнѣ легче было справиться съ имѣвшимся у меня довольно сложнымъ литературнымъ матеріаломъ. Съ чувствомъ благодарности вспоминаю я и о второмъ рецензентѣ моего сочиненія — покойномъ профессорѣ Е. П. Аквилоновѣ, критическими указаніями котораго я руководствовался при переработкѣ моего изслѣдованія. Выражаю мою искреннюю и глубокую признательность также профессорамъ академіи Н. Н. Глубоковскому и Н. И. Сагардѣ за неоднократно оказываемую ими мнѣ моральную поддержку въ моей работѣ и содѣйствіе въ дѣлѣ пользованія многими весьма цѣнными для меня научными пособіями, а профессору С. М. Зарину — за принятый имъ на себя трудъ по прочтенію и рецензирванію моего сочиненія.

И. Чаленко.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки